Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2026. Т. 18, № 3. С. 197–207
The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University. 2026. Vol. 18, № 3. P. 197–207

Научная статья
УДК 340.132:004.8
DOI: https://doi.org/10.63973/2949-1258/2026-3/197-207
EDN: https://elibrary.ru/JEUSCD

Искусственный интеллект и судебное усмотрение: сравнительно-правовой анализ пределов допустимого использования

Оносов Юрий Викторович
Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
Екатеринбург. Россия

Аннотация. *Исследуется проблема влияния искусственного интеллекта на судебное усмотрение. Обосновывается, что вопрос о применении искусственного интеллекта в судебной деятельности не может быть сведен лишь к технической модернизации правосудия. Более существенным является вопрос о пределах допустимого воздействия цифровых систем на механизм судебного правоприменения, включая установление фактических обстоятельств, оценку доказательств и формулирование мотивировочной части акта. На основе анализа российской практики, китайской модели судебного искусственного интеллекта, дела State v. Loomis, подходов Европейского союза, CEPEJ и рекомендаций судебной системы Гонконга выделяются основные пределы допустимого использования искусственного интеллекта. Автором формулируется вывод о том, что современная судебная практика не дает оснований для признания искусственного интеллекта самостоятельным субъектом разрешения юридического дела. Речь идет об алгоритмически опосредованном судебном усмотрении, при котором судебный акт остается результатом самостоятельного интеллектуально-волевого выбора судьи, но фактические и юридические предпосылки такого выбора могут предварительно формироваться или структурироваться цифровым инструментом. Научная новизна исследования состоит в выделении трех противоречий: между эффективностью и индивидуализацией, между предсказуемостью и независимостью внутреннего убеждения, между формальной ответственностью судьи и фактическим влиянием алгоритма.*

***Ключевые слова*:** *искусственный интеллект, судебное усмотрение, внутреннее убеждение, мотивировка судебного акта, правосудие, алгоритмизация, цифровизация, пределы правоприменения, ответственность судьи, сравнительное правоведение*

Для цитирования: *Оносов Ю. В. Искусственный интеллект и судебное усмотрение: сравнительно-правовой анализ пределов допустимого использования // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2026. Т. 18, № 3. С. 197–207. DOI: https://doi.org/10.63973/2949-1258/2026-3/197-207. EDN: https://elibrary.ru/JEUSCD*

Original article

Artificial intelligence and judicial discretion: a comparative legal analysis of the limits of permissible use

Yuri V. Onosov
Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin
Ekaterinburg. Russia

© Оносов Ю. В., 2026

Abstract. *The article examines the problem of the influence of artificial intelligence on judicial discretion. It is substantiated that the issue of using artificial intelligence in judicial activity cannot be reduced merely to the technical modernization of justice. A more significant issue is the limits of permissible influence of digital systems on the mechanism of judicial law enforcement, including the establishment of factual circumstances, the assessment of evidence, and the formulation of the reasoning part of a judicial act. Based on the analysis of Russian practice, the Chinese model of judicial artificial intelligence, State v. Loomis, the approaches of the European Union, CEPEJ, and the guidelines of the Hong Kong Judiciary, the main limits of the permissible use of artificial intelligence are identified. The author concludes that contemporary judicial practice does not provide grounds for recognizing artificial intelligence as an independent subject capable of resolving a legal case. Rather, it is a matter of algorithmically mediated judicial discretion, in which a judicial act remains the result of an independent intellectual and volitional choice of a judge, while the factual and legal premises of such a choice may be preliminarily formed or structured by a digital tool. The scientific novelty of the study lies in identifying three contradictions: between efficiency and individualization, between predictability and the independence of judicial inner conviction, and between the formal responsibility of the judge and the actual influence of the algorithm..*

Keywords**:** *artificial intelligence, judicial discretion, judicial conviction, reasoning of a judgment, justice, algorithmization, digitalization, limits of adjudication, judicial responsibility, comparative law*

For citation*: Onosov Yu. V. Artificial intelligence and judicial discretion: a comparative legal analysis of the limits of permissible use // The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University. 2026. Vol. 18, № 3. P. 197–207. DOI: https://doi.org/10.63973/2949-1258/2026-3/197-207. EDN: https://elibrary.ru/JEUSCD*

Введение

Вопрос об использовании искусственного интеллекта в судебной деятельности в современных условиях не может быть сведен к проблеме технической модернизации судопроизводства. Электронная подача документов, автоматизированное распределение дел, поиск судебной практики, распознавание речи и подготовка проектов процессуальных документов сами по себе еще не меняют сущность судебного усмотрения. Иной характер приобретает ситуация, когда цифровая система начинает не только обслуживать движение дела, но и участвовать в отборе значимых фактов, сравнении доказательств, поиске аналогичных дел, оценке риска, подготовке мотивировочных фрагментов судебного акта. Именно здесь возникает вопрос, имеющий общетеоретическое значение: где заканчивается техническая помощь судье и начинается влияние алгоритма на судебное усмотрение.

В отечественной юридической науке судебное усмотрение раскрывается через категории законности, внутреннего убеждения судьи, оценки доказательств, мотивированности судебного акта и пределов правоприменительного выбора. Оно не может быть сведено к произволу или свободному субъективному мнению суда, поскольку предполагает ограниченную вариативность судебного поведения в пределах нормы права [1, 2]. При оценке доказательств данная вариативность приобретает особое значение: внутреннее убеждение судьи формируется на основе исследования обстоятельств дела и должно получить внешнее выражение в мотивировочной части судебного акта [1]. Поэтому судебное усмотрение представляет собой не психологическое состояние судьи, а элемент судебной правоприменительной деятельности, связанный с выбором законного, обоснованного и мотивированного решения.

Следовательно, внедрение искусственного интеллекта в судебную деятельность должно оцениваться не только через показатели удобства и снижения нагрузки на суд, но и с точки зрения того, сохраняется ли судебное усмотрение как самостоятельный, мотивированный и процессуально проверяемый выбор суда в пределах

нормы права. На наш взгляд, наиболее спорным является не тезис о невозможности полного замещения судьи машиной, поскольку он в настоящее время поддерживается большинством регуляторных подходов. Более сложной является проблема скрытого влияния цифрового результата на формирование внутреннего убеждения и мотивировочной части судебного акта. Судья может формально оставаться субъектом решения, но фактическая и информационная основа этого решения будет предварительно организована алгоритмом.

Цель исследования состоит в сравнительно-правовом анализе пределов допустимого использования искусственного интеллекта в судебной деятельности с точки зрения его влияния на судебное усмотрение. Для достижения данной цели необходимо уточнить место искусственного интеллекта в структуре судебного усмотрения, рассмотреть и выделить основные доктринальные подходы к оценке ИИ в правосудии, проанализировать российскую, китайскую и отдельные зарубежные модели применения ИИ и, наконец, определить противоречия и пределы допустимого участия алгоритма в судебной деятельности.

Материалы и методы. Исследование основывается на диалектическом, сравнительно-правовом, формально-юридическом и аналитическом методах. Диалектический метод позволяет рассмотреть искусственный интеллект в правосудии как противоречивое явление: с одной стороны, он способен повысить единообразие судебной практики и оперативность обработки правовой информации, с другой – он может усилить зависимость судьи от внешнего цифрового вывода, не обладающего признаками судебного убеждения.

Сравнительно-правовой метод применен при анализе моделей России, Китая, США, Европейского союза, Гонконга, а также отдельных примеров Индии, Бразилии, Аргентины и Великобритании. Сопоставление проводится не по признаку технологической развитости конкретного государства, а по юридически значимому критерию: как цифровой инструмент соотносится с судебным усмотрением, мотивировкой и ответственностью за итоговый судебный акт.

Формально-юридический метод использован при исследовании официальных и рекомендательных актов, включая Европейскую этическую хартию CEPEJ, Регламент Европейского союза об искусственном интеллекте, китайские Opinions on Regulating and Strengthening the Applications of Artificial Intelligence in the Judicial Fields, а также рекомендации судебной системы Гонконга по использованию генеративного ИИ [3–6]. Эмпирическую основу составляют сведения о российской судебной цифровизации, дело State v. Loomis, материалы о китайских проектах судебного ИИ, системе SUPACE, PROMETEA и Durham HART [7–16].

Обзор литературы и доктринальных подходов. В научной литературе и регуляторных документах можно выделить несколько подходов к вопросу о допустимости искусственного интеллекта в судебной деятельности. Первый подход условно может быть обозначен как *технологически оптимистический*. В его рамках ИИ рассматривается прежде всего как средство повышения скорости, точности, единообразия и предсказуемости судебной работы. С этой позиции цифровые инструменты способны уменьшать рутинную нагрузку, обеспечивать быстрый доступ к судебной практике, выявлять аналогичные дела и тем самым содействовать более равномерному применению права. Данный подход нельзя признать ошибочным уже потому, что судебная система действительно нуждается в инструментах, позволяющих работать с большими массивами документов. Однако он не полон, если не учитывает специ-

фику судебного усмотрения. Судебное решение не исчерпывается поиском нормы и сопоставлением фактов с прежними делами. Оно предполагает оценку доказательств, индивидуализацию обстоятельств, применение принципов, а в ряде случаев – соотношение формальной определенности и справедливого результата. Поэтому чисто технологическое понимание ИИ недостаточно для общей теории права.

Второй подход можно назвать *правозащитным*. Его сторонники переносят внимание с эффективности на риски нарушения прав участников процесса, непрозрачности алгоритмов, дискриминации, автоматизационного смещения и отсутствия проверяемости цифрового вывода. В этой логике находятся документы CEPEJ, положения AI Act о высокорисковых системах, а также научные работы о подотчетности алгоритмов и судебном контроле автоматизированного публичного управления [3, 5, 17, 18]. Сильной стороной данного подхода является постановка вопроса о процессуальных гарантиях, однако при чрезмерном развитии он может привести к неоправданному отрицанию полезных вспомогательных технологий.

Третий подход может быть определен как *технико-юридический*. Его смысл состоит в том, что искусственный интеллект допустим в судопроизводстве лишь постольку, поскольку остается средством информационного и организационного обеспечения суда. В рамках данного подхода принципиально важно не название технологии, а функция, которую она выполняет. Если ИИ используется для поиска нормативных актов, стенографирования, группировки судебной практики либо подготовки справки, он не затрагивает ядро судебного усмотрения. Если же цифровой инструмент формирует риск-профиль, проект вывода о виновности, оценку достоверности доказательств или мотивировочный фрагмент судебного акта, возникает необходимость специального процессуального контроля.

На наш взгляд, именно технико-юридический подход является наиболее обоснованным. Он позволяет избежать необоснованного доверия к алгоритму и полного отрицания цифровых средств. Для теории права существенным является не спор о том, может ли ИИ заменить судью, а вопрос о том, в каких пределах цифровой результат может участвовать в формировании судебного решения, не разрушая природу внутреннего убеждения и правовой ответственности суда.

Основная часть

Прежде всего следует определить, какое место ИИ может занимать в структуре судебного усмотрения. Судебное усмотрение предполагает наличие правовой нормы, устанавливающей пределы возможного решения, фактических обстоятельств дела, внутреннего убеждения судьи, мотивировки и ответственности. Оно возникает не при любом применении нормы, а там, где право допускает ограниченную вариативность решения. В этом смысле важным остается вывод о том, что судебное усмотрение не тождественно произволу и не может быть сведено к субъективному предпочтению судьи [1].

Искусственный интеллект способен выполнять значительное число операций, которые внешне напоминают отдельные элементы судебного мышления: поиск, классификацию, сопоставление, прогнозирование, генерацию текста. Вместе с тем эти операции не образуют судебное усмотрение в собственном юридическом смысле. ИИ не обладает процессуальным статусом суда, не несет обязанности мотивировки, не связан судебной присягой, не формирует внутреннее убеждение и не отвечает за судебный акт. Тем не менее из этого не следует, что его влияние юридически

безразлично. Проблема начинается там, где цифровой результат становится фактической опорой для оценки обстоятельств либо переносится в мотивировочную часть судебного решения.

Российская практика показывает, что судебная система находится на стадии осторожного перехода от организационной цифровизации к обсуждению искусственного интеллекта как вспомогательного инструмента. Позиция Судебного департамента при Верховном Суде РФ в этом вопросе носит сдержанный характер. Генеральный директор Судебного департамента В. Иванов отмечал, что технологии нейросетей уже используются как первый этап движения к электронному судопроизводству, однако они могут ошибаться, а потому не способны заменить судью как личность, обладающую жизненным опытом и профессиональными знаниями [7].

В 2025 г. была создана рабочая группа Совета судей Российской Федерации по внедрению технологий искусственного интеллекта в судебную систему; сообщалось об использовании нейросетей для распознавания речи, подготовки протоколов и поиска нормативных правовых актов [8]. Данные формы цифровизации сами по себе не затрагивают ядро судебного усмотрения. Но российская практика уже обнаружила более тонкую проблему. Федеральная палата адвокатов РФ сообщала о случае, когда защитник заявил о признаках использования ИИ при составлении обвинительного приговора. Апелляционная инстанция не признала сам стиль изложения основанием незаконности судебного акта [9]. Однако этот пример важен не столько результатом конкретного обжалования, сколько самой постановкой вопроса: если цифровой инструмент использовался при подготовке мотивировки, должны ли стороны и вышестоящий суд иметь возможность понять объем и значение такого использования?

Думается, российский пример показывает главную незавершенность отечественной модели, так как специальный процессуальный порядок использования ИИ при подготовке судебного решения пока не сформирован. Между тем мотивировочная часть судебного акта является не техническим приложением к резолютивной части, а внешним выражением внутреннего убеждения суда. Если отдельные фрагменты мотивировки подготовлены цифровой системой без фиксации роли такого инструмента, возникает риск смешения судебного убеждения и алгоритмически сгенерированного текста.

Китайская модель представляет собой наиболее развитый пример нормативного закрепления судебного ИИ. В 2022 г. Верховный народный суд КНР принял документ Opinions on Regulating and Strengthening the Applications of Artificial Intelligence in the Judicial Fields. В нем поставлены цели формирования функциональной системы судебного ИИ к 2025 г. и более полного интеллектуального сопровождения судебного процесса к 2030 г. [4]. Вместе с тем китайский подход интересен не только масштабом цифровизации. Принципиальным является то, что в документе прямо закрепляется вспомогательный характер ИИ: цифровая система не должна заменять судью при принятии решения, а результаты ее работы могут иметь только справочное значение.

Практическое значение китайской модели состоит в том, что она пытается юридически удержать искусственный интеллект в пределах ассистивной функции. В материалах Суда по интеллектуальной собственности Верховного народного суда КНР указывается на применение ИИ для подбора норм, поиска аналогичных дел, ориентирования в доказательствах и подготовки вспомогательных материалов. Упоминается также проект Copyright AI Smart Trial, связанный с анализом авторско-правовых споров, и опыт Шэньчжэня, где цифровые инструменты охватывают

значительное число судебных процедур [10]. Однако даже при таком масштабе применения окончательное решение сохраняется за судьей. Следовательно, Китай показывает не модель «робота-судьи», а модель нормативно организованного алгоритмического сопровождения судебного усмотрения.

Американский пример State v. Loomis раскрывает другую сторону проблемы. В указанном деле при назначении наказания использовалась система COMPAS, формирующая оценку риска рецидива. Верховный суд штата Висконсин допустил использование данного инструмента при условии, что он не является единственным основанием судебного решения [11]. Однако дискуссия вокруг дела не была снята, поскольку методология оценки риска не была полностью раскрыта, а значит, сторона защиты не могла в полной мере проверить факторы, повлиявшие на цифровой вывод [12].

Для исследования судебного усмотрения данный пример особенно показателен. Алгоритм фактически может усилить обвинительный уклон, повлиять на представление судьи о личности подсудимого и сузить пространство индивидуальной оценки. Поэтому вопрос заключается не только в допустимости самой программы COMPAS, а в том, как обеспечить проверяемость и ограниченность ее влияния на судебное усмотрение. Европейский союз решает сходную проблему посредством дифференциации правового режима искусственного интеллекта в зависимости от степени его возможного воздействия на права человека и юридически значимые решения. Так, Регламент (ЕС) 2024/1689 относит ряд систем, используемых в правоохранительной деятельности, миграционной сфере и правосудии, к высокорисковым, что влечет необходимость соблюдения повышенных требований к управлению рисками, качеству данных, технической документации, фиксации операций, информированию пользователей и сохранению человеческого контроля. [5]. Для судебного усмотрения это означает, что цифровой инструмент не должен оставаться невидимым элементом процедуры. Его роль должна быть технически и юридически проверяемой.

Сходная логика выражена в рекомендациях судебной системы Гонконга по использованию генеративного ИИ. В них подчеркивается, что такие системы могут использоваться для поддержки судебной работы, но не должны подрывать независимость, беспристрастность и ответственность судей. Судья обязан лично проверять результат, не делегировать ИИ судебные функции и учитывать риск появления вымышленных дел, неточных ссылок, ошибочных цитат и фактических искажений [6]. Данный подход практически формулирует минимальный стандарт: ИИ может помогать судье, но не вправе становиться источником судебного убеждения.

Опыт Индии, Бразилии, Аргентины и Великобритании целесообразно рассматривать как дополнительное подтверждение инструментального характера современных цифровых решений. В Индии система SUPACE разрабатывается для анализа фактической основы дела и интеллектуального поиска прецедентов, при этом искусственный интеллект не используется Верховным судом непосредственно в процессе принятия судебного решения [13]. Бразильский опыт также связан прежде всего с обработкой значительных массивов судебных материалов и снижением нагрузки при рассмотрении поступающих обращений [14]. Аргентинская PROMETEA направлена на ускорение подготовки типовых документов и оптимизацию работы публичных органов [15]. Британская Durham HART применялась в сфере полицейской оценки риска, т. е. относилась скорее к правоохранительному, чем к судебному усмотрению [16]. Указанные примеры различны по назначению, однако объединены

одной чертой: алгоритм предварительно обрабатывает и структурирует юридически значимую информацию, но не должен подменять компетентное правовое решение.

Из приведенного сравнительно-правового материала можно выделить три основных противоречия. Первое противоречие состоит в соотношении эффективности и индивидуализации. ИИ действительно способен ускорить поиск судебной практики, облегчить подготовку документов и снизить нагрузку на суд. Но судебное дело не является только информационным массивом. Оно имеет индивидуальную фактическую структуру, а потому типовая цифровая рекомендация может оказаться недостаточной или даже опасной при разрешении дела с высокой степенью оценочности. Китайский и индийский опыт показывают сильную сторону ИИ в классификации и поиске, но одновременно демонстрируют необходимость сохранения человеческой оценки исключительных обстоятельств.

Второе противоречие связано с предсказуемостью и независимостью внутреннего убеждения. Единообразие судебной практики является значимой ценностью. Однако если алгоритм предлагает судье наиболее вероятный исход, сходные дела или риск-профиль, возникает опасность автоматизационного смещения. Судья может начать воспринимать цифровой вывод как более нейтральный и объективный, чем собственная оценка совокупности доказательств. State v. Loomis хорошо показывает, что даже вспомогательный риск-профиль способен повлиять на наиболее ответственную часть судебного усмотрения – индивидуализацию наказания.

Третье противоречие выражается в соотношении формальной ответственности судьи и фактического алгоритмического влияния. Почти все устойчивые модели исходят из того, что решение принимает судья. Но цифровая система может подготовить проект, подобрать аргументы, сгруппировать доказательства, предложить мотивировочный фрагмент. Если это влияние не фиксируется и не проверяется, ответственность формально остается человеческой, а отдельные предпосылки решения формируются за пределами процессуально видимой деятельности. Российский пример с жалобой на предполагаемое использование ИИ при подготовке приговора как раз показывает эту точку напряжения.

С учетом указанных противоречий пределы допустимого использования ИИ в судебной деятельности могут быть определены через несколько критериев. Допустимым следует считать применение ИИ для поиска нормативных актов и судебной практики, транскрибации заседаний, систематизации материалов, подготовки справок, выявления повторяющихся категорий дел, технической проверки текста и иных вспомогательных задач. В этих случаях цифровой инструмент не принимает правового решения и не формирует внутреннее убеждение суда.

Иной подход требуется там, где речь идет об оценке доказательств, достоверности показаний, признании лица виновным, определении меры ответственности, установлении добросовестности, разумности, соразмерности и иных оценочных категорий. В таких ситуациях ИИ может предоставить информацию, но не должен задавать итоговый вывод. Проблема возникает не в самом обращении судьи к цифровой системе, а в некритическом переносе ее результата в судебный акт без процессуальной фиксации, проверки и самостоятельной правовой оценки.

Отдельное значение имеет проблема объяснимости. С. Вахтер, Б. Миттельштадт и Л. Флориди обращали внимание на сложность права в объяснении автоматизированного решения [19]. В судебной деятельности объяснимость приобретает особый характер. Суд не обязан раскрывать программный код цифрового инструмента,

но обязан обеспечить понятность юридически значимого вывода. Если алгоритм повлиял на установление фактов, оценку риска или мотивировку, должна быть возможность понять, какие данные и какие критерии имели значение для результата.

Следовательно, предел допустимого использования ИИ проходит там, где цифровая помощь начинает фактически участвовать в судебном выборе без правовой фиксации. На наш взгляд, минимальными гарантиями должны быть: подчиненность ИИ судье; сохранение личного и независимого судебного решения; проверяемость данных; возможность критического отказа от цифровой рекомендации; запрет делегирования ИИ оценки доказательств и окончательного вывода; фиксация существенного использования цифрового инструмента, если оно повлияло на судебный акт; ответственность судьи и суда за итоговый результат. Такая система гарантий не исключает применение ИИ, но удерживает его в статусе инструмента правосудия, а не скрытого участника судебного усмотрения.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что современное применение искусственного интеллекта в судебной деятельности не формирует устойчивой модели самостоятельного машинного разрешения споров. Даже наиболее развитые модели, в том числе китайская, нормативно закрепляют вспомогательную роль ИИ и сохраняют судебное решение за судьей. Российская практика также пока исходит из осторожного подхода: цифровые средства допускаются для рутинных и организационных процессов, но специальный процессуальный режим их использования при подготовке мотивировки судебного акта еще не сформирован.

Искусственный интеллект не является субъектом судебного усмотрения. Однако данный вывод не должен закрывать более сложную проблему: ИИ способен воздействовать на информационные, доказательственные и мотивировочные предпосылки судебного решения. Поэтому предметом правового регулирования должно становиться не только итоговое решение суда, но и цифровая процедура, в рамках которой формируются основания для такого решения.

Научная новизна исследования состоит в обосновании категории алгоритмически опосредованного судебного усмотрения. Под ним предлагается понимать ситуацию, при которой окончательный судебный выбор сохраняется за судом, однако отдельные фактические, информационные или оценочные предпосылки этого выбора предварительно структурируются цифровой системой. Такая категория позволяет точнее описать современные процессы цифровизации правосудия, не прибегая к методологически спорной конструкции «машинного судебного усмотрения».

Основные противоречия использования ИИ в сфере судебного усмотрения выражаются в следующем: эффективность цифровых инструментов может вступать в конфликт с индивидуализацией дела; предсказуемость алгоритма – с независимостью внутреннего убеждения судьи; формальное сохранение ответственности за судом – с фактическим влиянием алгоритма на предпосылки решения. Разрешение этих противоречий возможно не путем запрета ИИ, а посредством установления пределов его допустимого использования. К таким пределам следует относить вспомогательный характер ИИ, сохранение внутреннего убеждения судьи, мотивированность судебного акта, проверяемость цифрового результата, недопустимость дискриминации и автоматизационного смещения, процессуальную фиксацию существенного использования ИИ и персональную ответственность за итоговое решение.

Только при наличии данных условий цифровые технологии могут способствовать развитию правосудия, не разрушая правовую природу судебного усмотрения.

Список источников

1. Оносов Ю. В. О правоприменительном усмотрении при оценке судом доказательств по юридическому делу // Вестник Томского государственного университета. Право. 2023. № 47. С. 162–171. DOI: 10.17223/22253513/47/11
2. Оносов Ю. В. О теоретической модели пределов правоприменительного усмотрения // Юридический вестник Самарского университета. 2022. Т. 8, № 1. С. 7–13. DOI: 10.18287/2542-047X-2022-8-1-7-13
3. CEPEJ European Ethical Charter on the use of artificial intelligence in judicial systems and their environment // Council of Europe, CEPEJ: [website]. 2018. URL: https://www.coe.int/en/web/cepej/cepej-european-ethical-charter-on-the-use-of-artificial-intelligence-ai-in-judicial-systems-and-their-environment (дата обращения: 11.06.2026).
4. The Supreme People's Court. The Opinions on Regulating and Strengthening the Applications of Artificial Intelligence in the Judicial Fields = 《最高人民法院关于规范和加强人工智能司法应用的意见》全文（中英文版). 2022. URL: https://www.court.gov.cn/fabu/xiangqing/382461.html (дата обращения: 16.06.2026).
5. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024. Laying down harmonised rules on artificial intelligence and amending Regulations (EC) No 300/2008, (EU) No 167/2013, (EU) No 168/2013, (EU) 2018/858, (EU) 2018/1139 and (EU) 2019/2144 and Directives 2014/90/EU, (EU) 2016/797 and (EU) 2020/1828 (Artificial Intelligence Act). URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj (дата обращения: 16.06.2026).
6. Guidelines on the Use of Generative Artificial Intelligence for Judges and Judicial Officers and Support Staff of the Hong Kong Judiciary. 2024. URL: https://www.judiciary.hk/doc/en/court_services_facilities/guidelines_on_the_use_of_generative_ai.pdf (дата обращения: 16.06.2026).
7. В Верховном суде объяснили, почему ИИ не заменит судей // ТАСС: [сайт]. 2025. URL: https://tass.ru/politika/23707211 (дата обращения: 16.06.2026).
8. Совет судей создал группу по внедрению ИИ в работу судебной системы // ТАСС: [сайт]. 2025. URL: https://tass.ru/obschestvo/23990463 (дата обращения: 16.06.2026).
9. Нагорная М. В использовании искусственного интеллекта в судах необходим порядок // Федеральная палата адвокатов РФ: [сайт]. 2025. URL: https://fparf.ru/news/fpa/v-ispolzovanii-iskusstvennogo-intellekta-v-sudakh-neobkhodim-poryadok/ (дата обращения: 14.06.2026).
10. Du W. Chinese court's practices of modernizing the judicial system and judicial capacity empowered by Artificial Intelligence // CICC: [сайт]. 2024. URL: https://cicc.court.gov.cn/html/1/219/208/203/12557.html (дата обращения: 18.06.2026).
11. State v. Loomis, 881 N.W.2d 749 (Wis. 2016). URL: https://law.justia.com/cases/wisconsin/supreme-court/2016/2015ap000157-cr.html (дата обращения: 16.06.2026).
12. State v. Loomis // Harvard Law Review. 2017. Vol. 130, Iss. 5. URL: https://harvardlawreview.org/print/vol-130/state-v-loomis/ (дата обращения: 16.06.2026).
13. Use of AI in Supreme Court Case Management // Press Information Bureau, Government of India: [website]. 2025. URL: https://www.pib.gov.in/PressReleasePage.aspx?PRID=2113224 (дата обращения: 09.07.2026).
14. LegalAnalytics: bridging visual explanations and workload streamline in Brazilian Supreme Court appeals / L. Resck, F. Moreno-Vera, T. Veiga [et al.] // Artificial Intelligence and Law. 2025. DOI: 10.1007/s10506-025-09446-w
15. Corvalán J. G., Le Fevre Cervini E. M. Prometea experience. Using AI to optimize public institutions // CERIDAP: [website]. 2020. Iss. 2. DOI: 10.13130/2723-9195/2020-2-2. URL:

https://ceridap.eu/prometea-experience-using-ai-to-optimize-public-institutions/ (дата обращения: 10.06.2026).
16. Algorithmic risk assessment policing models: lessons from the Durham HART model and experimental proportionality / M. Oswald, J. Grace, S. Urwin, G. C. Barnes // Information & Communications Technology Law. 2018. Vol. 27, № 2. P. 223–250. DOI: 10.1080/13600834.2018.1458455
17. Busuioc M. Accountable Artificial Intelligence: Holding Algorithms to Account // Public Administration Review. 2021. Vol. 81, № 5. P. 825–836. DOI: 10.1111/puar.13293
18. Cobbe J. Administrative Law and the Machines of Government: Judicial Review of Automated Public-Sector Decision-Making // Legal Studies. 2019. Vol. 39, № 4. P. 636–655. DOI: 10.1017/lst.2019.9
19. Wachter S., Mittelstadt B., Floridi L. Why a Right to Explanation of Automated Decision-Making Does Not Exist in the General Data Protection Regulation // International Data Privacy Law. 2017. Vol. 7, № 2. P. 76–99. DOI: 10.1093/idpl/ipx005

References

1. Onosov Yu. V. On law enforcement discretion in the court assessment of evidence in a legal case. *Tomsk State University Journal of Law*. 2023; (47): 162–171. DOI: 10.17223/22253513/47/11
2. Onosov Yu. V. On the theoretical model of the limits of law-enforcement discretion. *Juridical Journal of Samara University*. 2022; 8(1): 7–13. DOI: 10.18287/2542-047X-2022-8-1-7-13
3. CEPEJ European Ethical Charter on the use of artificial intelligence in judicial systems and their environment. *Council of Europe, CEPEJ: [website]*. 2018. URL: https://www.coe.int/en/web/cepej/cepej-european-ethical-charter-on-the-use-of-artificial-intelligence-ai-in-judicial-systems-and-their-environment (accessed date: 11.06.2026).
4. The Supreme People's Court. The Opinions on Regulating and Strengthening the Applications of Artificial Intelligence in the Judicial Fields = 《最高人民法院关于规范和加强人工智能司法应用的意见》全文（中英文版). 2022. URL: https://www.court.gov.cn/fabu/xiangqing/382461.html (accessed date: 16.06.2026).
5. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024. Laying down harmonised rules on artificial intelligence and amending Regulations (EC) No 300/2008, (EU) No 167/2013, (EU) No 168/2013, (EU) 2018/858, (EU) 2018/1139 and (EU) 2019/2144 and Directives 2014/90/EU, (EU) 2016/797 and (EU) 2020/1828 (Artificial Intelligence Act). URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj (accessed date: 16.06.2026).
6. Guidelines on the Use of Generative Artificial Intelligence for Judges and Judicial Officers and Support Staff of the Hong Kong Judiciary. 2024. URL: https://www.judiciary.hk/doc/en/court_services_facilities/guidelines_on_the_use_of_generative_ai.pdf (accessed date: 16.06.2026).
7. The Supreme Court explained why AI will not replace judges. *TASS: [website]*. 2025. URL: https://tass.ru/politika/23707211 (accessed date: 16.06.2026).
8. The Council of Judges created a group to introduce AI into the judicial system. *TASS: [website]*. 2025. URL: https://tass.ru/obschestvo/23990463 (accessed date: 16.06.2026).
9. Nagornaya M. The use of artificial intelligence in courts needs procedure. *Federal Chamber of Lawyers of the Russian Federation: [website]*. 2025. URL: https://fparf.ru/news/fpa/v-ispolzovanii-iskusstvennogo-intellekta-v-sudakh-neobkhodim-poryadok/ (accessed date: 14.06.2026).
10. Du W. Chinese court's practices of modernizing the judicial system and judicial capacity empowered by Artificial Intelligence. *CICC: [website]*. 2024. URL: https://cicc.court.gov.cn/html/1/219/208/203/12557.html (accessed date: 18.06.2026).
11. State v. Loomis, 881 N.W.2d 749 (Wis. 2016). URL: https://law.justia.com/cases/wisconsin/supreme-court/2016/2015ap000157-cr.html (accessed date: 16.06.2026).
12. State v. Loomis. *Harvard Law Review*. 2017; 130 (5). URL: https://harvardlawreview.org/print/vol-130/state-v-loomis/ (accessed date: 16.06.2026).

13. Use of AI in Supreme Court Case Management. Press Information Bureau, Government of India: [website]. 2025. URL: https://www.pib.gov.in/PressReleasePage.aspx?PRID=2113224 (accessed date: 09.07.2026).
14. LegalAnalytics: bridging visual explanations and workload streamline in Brazilian Supreme Court appeals / L. Resck, F. Moreno-Vera, T. Veiga [et al.]. *Artificial Intelligence and Law*. 2025. DOI: 10.1007/s10506-025-09446-w
15. Corvalán J. G., Le Fevre Cervini E. M. Prometea experience. Using AI to optimize public institutions. CERIDAP: [website]. 2020; (2). DOI: 10.13130/2723-9195/2020-2-2. URL: https://ceridap.eu/prometea-experience-using-ai-to-optimize-public-institutions/ (accessed date: 10.06.2026).
16. Algorithmic risk assessment policing models: lessons from the Durham HART model and experimental proportionality / M. Oswald, J. Grace, S. Urwin, G. C. Barnes. *Information & Communications Technology Law*. 2018; 27(2): 223–250. DOI: 10.1080/13600834.2018.1458455
17. Busuioc M. Accountable Artificial Intelligence: Holding Algorithms to Account. Public *Administration Review*. 2021;81(5):825–836. DOI: 10.1111/puar.13293
18. Cobbe J. Administrative Law and the Machines of Government: Judicial Review of Automated Public-Sector Decision-Making. *Legal Studies*. 2019;39 (4): 636–655. DOI: 10.1017/lst.2019.9
19. Wachter S., Mittelstadt B., Floridi L. Why a Right to Explanation of Automated Decision-Making Does Not Exist in the General Data Protection Regulation. *International Data Privacy Law*. 2017; 7(2): 76–99. DOI: 10.1093/idpl/ipx005

Информация об авторе:

Оносов Юрий Викторович, канд. юрид. наук, доцент каф. публичного права Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, onosov_nn@mail.ru. ORCID: https://orcid.org/0000-0003-0245-9600

DOI: https://doi.org/10.63973/2949-1258/2026-3/197-207
EDN: https://elibrary.ru/

Дата поступления:	Одобрена после рецензирования:	Принята к публикации:
14.05.2026	25.05.2026	24.08.2026